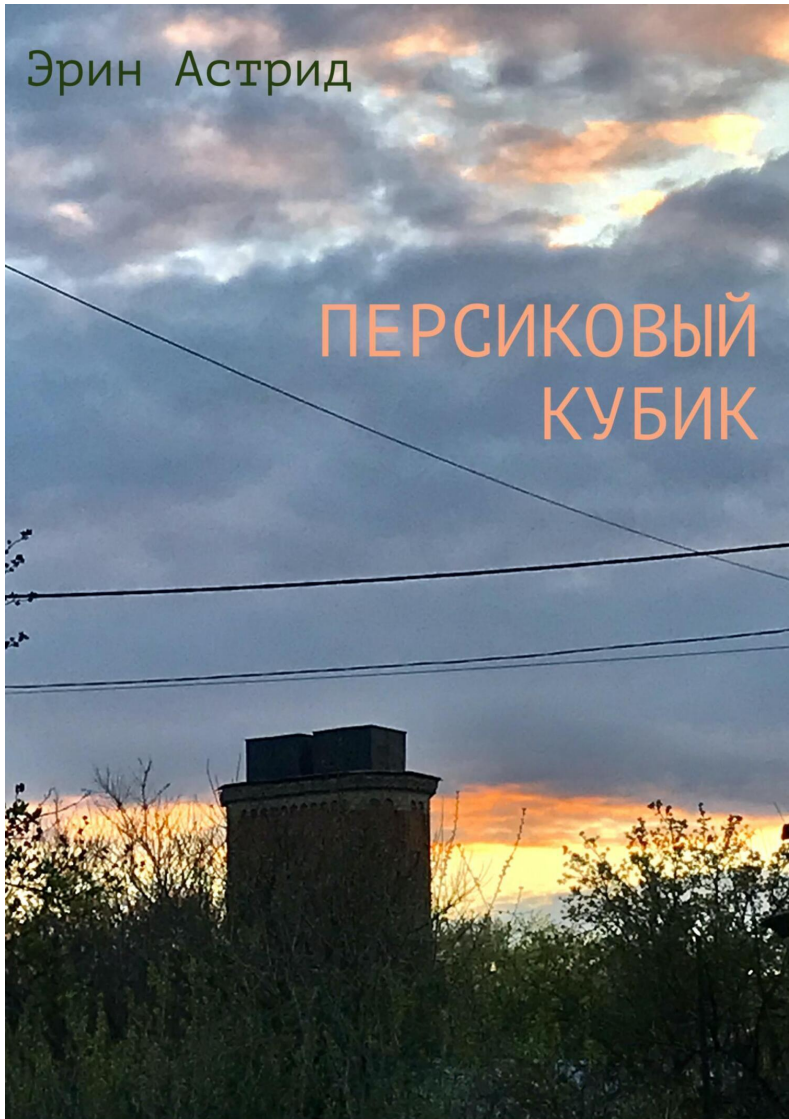

Эрин Астрид

ПЕРСИКОВЫЙ КУБИК

Эрин Астрид Персиковый кубик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69240337

SelfPub; 2023

Аннотация

Вы любите метафоры? Вы давно стали взрослым и забыли детство? Жизнь порой кажется скучной, однообразной, будто по дороге теряет свои краски? А встречали ли вы людей, в которых много-много лет назад поселились сомнения? У которых внутри вечно работают своеобразные весы, давно заменившие им сердце... В этой маленькой сказке, которая, безусловно, является отражением той самой скучной иногда жизни, живёт принц Амбижити с хрустальными весами вместо сердца...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Эпилог	44

Эрин Астрид

Персиковый кубик

Это не имеет ни малейшего значения. Ни малейшего значения в стране между Светом и Тьмой.

Астрид Линдгрен

Глава 1

В далекой-далекой стране, имя которой Скалия¹, среди изумрудных лесов, серебряных рек, пунцовых рассветов и молочных облаков высился дворец, где жил и правил Принц Амбижити². Как и любой уважающий себя принц, Амбижити был околдован в возрасте двух недель от рождения. В стране тогда перевелись добрые волшебницы, и правителям пришлось на торжество звать мисс Суспенз³, не столь злую и коварную, сколь нездоровую психически. И, быть может, зла она и не хотела младенцу, но дар её был весьма странным. В королевстве прозвали его «проклятьем хрустальных весов».

Всё дело в том, что после завершения волшебного обряда

¹ От англ. scales «весы»

² От англ. ambiguity «двусмысленность, неопределённость, неясность»

³ От англ. suspense «неизвестность, ожидание, беспокойство, нерешённость»

вместо сердца у маленького принца появились необыкновенные весы: они были настолько красивы, что принц впоследствии даже не прятал их, а вся одежда его была сшита королевскими портными так, что углубление с весами вместо сердца ничем не прикрывалось. Видимо Суспенз была очень поэтичной особой, раз смогла мановением руки создать такую изысканную прелесть, как эти весы: на золотистой ножке, по форме схожей со стеблем Катминта, крепились две чаши-листочка, тонких, изящных, длиной не больше дюйма, а в каждой чаше по маленькому невесомому облачку, оберегающему цветные кубики.

Дело в том, что, принимая любое решение, принц в своём «сердце» создавал два кубика, в каждом из которых была заключена вся его предыдущая жизнь, а различались они лишь последним решением, выбор которых осмысливал сейчас принц: к примеру, он решал, какое платье надеть – на весах появлялись кубики – в одном белое, в другом серебристое платье. И в каждый такой выбор цвет кубиков чуть менялся: к тому, основному кубику, который принц выбрал последний раз, прибавлялась капля цвета-эмоции, которая появится после принятия решения. И так получались каждый раз невероятные оттенки, повторить которые было почти невозможно. Один кубик оставался у принца – это и была в действительности его жизнь... потеряв последний кубик, он умер бы, наверно... никто точно этого не знал. Другой, который оказался тяжелее на чашах весов, слуги убира-

ли в цветную кладовую – огромный зал с мириадами тонких полок, где в ряд стояли уже миллионы полупрозрачных кубиков всех оттенков, их число – количество выборов на чудесных весах принца.

Глава 2

В королевстве наступила весна. Солнце каждое утро вставало раньше, птицы неустанно учили новые мелодии, деревья направляли все соки в ещё не распустившиеся листья, а ветер ответственно сдувал накопившуюся паутину и пыль.

Всё словно оживало в этой прекрасной стране, но придворным и слугам в замке было не до наслаждения скромным солнцем на лесных опушках, не до прогулок под ажурными фонарями теплыми апрельскими вечерами. Их волновало одно из важнейших событий весны – спринклин. Во время спринклина нельзя было ни спать, ни отдыхать. Только уборка, только чистота, только порядок волновали всех в эти непростые месяцы. Замок был настолько велик, что нести найденную в неполюженном месте расчёску приходилось чуть ли не целый день.

Все подданные упорно наводили порядок: одни протирали фарфоровую посуду с причудливыми черепашками, другие устраивали конференции для заключения мирных договоров с мышами и тараканами, третьи на длинных-длинных лестницах, стоя под потолком, полировали аметистовые канделябры и хрустальные люстры, четвёртые маленькими щёточками чистили квадратную плитку, три на три дюйма каждая, которой были украшены все стены дворца, пятые

уходили в экспедиции на крыши замка – за зиму там могло появиться что угодно: от осинового гнезда до магического портала, оставленного каким-нибудь невеждой-волшебником. Безусловно, дел было много, каждый был занят, но, как оказалось, никто не спешил скорее выполнить свою работу, и на то была причина.

Самым сложным в спринклине была уборка в цветной кладовой. Только представьте: нужно протереть каждый из миллионов кубиков от пыли, пересчитать и расставить в нужном порядке. Но, как бы ни не хотели придворные идти в кладовую, дело дошло и до неё. С тяжёлыми вздохами и причитаниями они входили в светящееся всеми цветами и оттенками чудесное место. Всё дело в том, что, случайно уронив кубик или просто неаккуратно положив его на полку, подчинённый обрекал принца на сильные боли и переживания. Он сразу вспоминал тот сердечный выбор, сразу сомневался над его правильностью, сомнения разъедали его и духовно, и физически. А задеть кубик, такой маленький, было очень легко. Вот Амбжити и мучился в последние дни спринклина. Однажды ему было так плохо, что он чуть не казнил несчастного, уронившего кубик с особо печальным решением. Сам же принц боялся заходить в цветную кладовую. Каждый из миллионов кубиков – его несостоявшихся жизней – звал его, показывал через свои прозрачные стенки возможные исходы, уже не реальные, но и не пропавшие в вечности: они обречены бесконечно лежать в этой кладовой,

бесконечно, мертвым грузом, терзать бедного принца.

– М830, аккуратнее! Эти ализариновые нельзя брать без особых варежек – они самые больные! Тебе не жаль нашего несчастного принца?

– Да, да, помню, К538.

– Послушай, ты не знаешь, кто поставил лиловый и сиреневый кубики рядом? Они же сольются. По таблице совместимостей их можно ставить хотя бы через три кубика...

– Сейчас переставлю. Ой!

– Что случилось?

– Я часто убирал эту полку в прошлые спринклины, и здесь всегда был такой... персиковый кубик. Отливал серебряным в тени, и золотым на солнце. Он всегда мне очень нравился – отличался от всех остальных... было в нём что-то непостижимое, что-то манящее. Он пропал – нигде не могу его найти.

– Да быть того не может, М830! Кому понадобился какой-то кубик?

Глава 3

Обнаружив пропажу М830 и К538, побежали по длинным коридорам и высоким лестницам, извилистым переходам к принцу. Конечно, они надеялись, что именно он взял кубик, иначе вопросов слишком много, ответов слишком мало.

Раз кто-то его взял, значит он кому-то понадобился. А для хорошего или плохого? Кто знает? И мог ли персиковый кубик просто потеряться? Мог исчезнуть, мог сам переместиться? Если мог, то как и зачем это было нужно?

Растерзанные мучительными вопросами, придворные пришли к Амбижити. Услышав весть о странной пропаже, он не столько удивился, сколько испугался – пропала его жизнь! Да, несостоявшаяся, да, уже не нужная, но его жизнь... Со всеми его решениями. Тот, кто взял кубик, будет знать все о принце: всё, что тот хотел бы скрыть, все государственные тайны, все личные переживания. Но что же это было? Какое решение в персиковом кубике было последним? Почему пропал именно он? Может, тот кубик – главная ошибка в его жизни. Может, М830 просто ошибся, перепутал? Что же было в том последнем решении...

Мысли всё летали в его голове, сливались в мощные потоки, разбивались о стенки, рассыпались на осколки, собирались вновь, набирая силу, вихрем сметали все оставши-

еся в сознании идеи и планы... ничего кроме персикового кубика его отныне не волновало: ни приближающийся визит мисс Суспенз, ни неконтролируемый рост деревьев на крышах из волшебных семян, занесённых ветром, ни даже консилиум Ершовых Герцогств Эрделя и Эмпака – собрание мудрейших ершей всегда будоражило народ глубокими размышлениями, и часто от консилиумов зависела работоспособность всех придворных.

Порой мысли были настолько глубокими, что жители месяцами неустанно размышляли и всё чаще приходили к выводам о том, что работать и не нужно в целом, а для сохранности вообще лучше безвылазно сидеть в комнате. И думать. Да, думать и побольше. Думать – это всегда очень полезно. Никогда никто не получал вреда от бездейственных длительных размышлений. Так утверждали ерши. Очень уважаемые ерши (их «Конфуцием» был то ли сазан, то ли пескарь⁴, то ли окунь... этого они и сами не помнили).

Именно поэтому Амбижити приходилось чуть ли не переписывать речи ершей заново, дабы не превратить Скалию в безжизненные пустоши. Безжизненные, но очень мудрые. Дни тянулись медленно, принц от переживаний приказал отменить все планы и встречи. В королевстве наступила тишина. Никто не рисковал трогать вышеупомянутого. Никто ничего не спрашивал, не подходил. В дворце никто даже не выходил из комнат, чтобы не наводить лишний шум, а если

⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин, «Премудрый пискарь»

всё же приходилось выйти, то перемещались на цыпочках в шёлковых носочках и разговаривали шёпотом.

Глава 4

Время шло, меры не предпринимались, все варианты в советах были разобраны, а решений принято столько, что в кладовой понадобилось вешать новые полки. Очевидно было одно: нужно найти кубик. Таково было последнее решение принца (хотя стоит отметить, что «сердце» и разум не всегда помнили друг о друге, и принимая это решение, весы советов у сознания не спрашивали, просто чаши перевесили... и всё).

Также очевидно было и то, что привычными методами: обученными в академиях породистыми собаками- ищейками в 11 поколении или гениальными сыщиками из не то смутных, не то, наоборот, самых ярких минут прошлого, такого далёкого для одного человека, такого недавнего для всех остальных, или приборов, действие которых так подробно описано в книгах, лежащих в огромной библиотеке, на 130 миллионов названий⁵, где-то в подвале дворца, так глубоко, что их, наверное, никто и не читал, или помощи госпожи Эйдфок⁶, которая так давно потеряла память, что в этой жизни вряд ли сможет найти в своих красочных

⁵ К 2010 году существовало примерно 130 миллионов наименований книг в мире

⁶ От англ. aid «помогать» + folk «народный»

и разнообразных шкатулках (их она воодушевлённо наполняла первую луну «на потом» и, использовав лишь пару из них неохотно, окончательно обезумела), – было бессмысленно даже пытаться что-то найти.

Кто-то посоветовал обратиться к Спеллу⁷. Естественно, все в Скалии о нём знали, но то ли боялись последствий, то ли ещё чего.

Страну окружала бесконечная граница, концы которой, несмотря на ограниченность территории, нигде не пересекались, расходясь и образуя континуум времени. Спелл же был часовым на чудесной границе. Никто кроме него не умел ею управлять – и верно: лишь время может влиять само на себя. По вечной линии медленно ползла маленькая прозрачная пластинка – она момент, само «сейчас», на полосе деления и римские цифры, которых так много, что сложно понять, где оканчивается одно число и начинается второе. На пластинке лежит, еле заметная, черная блестящая нитка – любое мгновение. Стоит лишь заметить её и завязать на нужном делении ленты.

Для этого к Спеллу и пришли принц, M830 и K538. Они хотели вернуться чуть назад и посмотреть, кто же взял кубик из кладовой. Но была одна проблема – граница была немножко... двумерной. Само время было двумерным, а интересовало их обычное, одномерное. Их в необъятном континууме интересовала одна, одна ничтожно маленькая точка – найти

⁷ От англ. spell «время, чары, очарование, смена, очерёдность»

её также сложно, как и нужный кубик из мириад кубиков в цветном безумии.

На каждую минуту вверх, по мнимой шкале, приходилась ещё одна бесконечность вероятных событий. Те, что стояли рядом, сверху и снизу, люди часто путали, сами того не замечая, жили в иллюзорном мире, проводником в который однажды стала ошибочно выбранная мнимая ячейка – и не вернуться уже, сложно очень это. Подданные начали поиски...

Глава 5

Моментов было слишком много. В уже разболевшихся от меняющихся картинок глазах крутились, летали, плыли, мигали воспоминания. Иногда попадались те, которые действительно произошли в этой реальности. Они наводили странные мысли, какую-то глухую боль, будто ниточки тянули всё тело к знакомому моменту. И сложно было перевести глаза на следующую ячейку – невольно раз за разом они возвращались к ним, пытаюсь понять значение то ли того момента, то ли всей жизни. Вот оно, «сейчас» ..., насколько оно ценно? Просто день, обычная действительность – ничего ценного. Но пропадёт эта повседневность, сменится на другую. И через время, попав к Спеллу, ты будешь смотреть на ту самую рутину и скучать по ней отчего-то, аккуратно и бессмысленно мечтая вернуться туда, к незамеченному счастью, счастью, которое невозможно увидеть сейчас – лишь потом. Как же обхватить это самое счастье, как забрать его себе, когда чувствуешь его всем телом, но знаешь, что оно уходит... безвозвратно?

Погрузившийся в размышления М830 вдруг отшатнулся от границы, чуть не упал, быстро заморгал и, наконец успокоившись, посмотрел на ячейку ещё раз. Персиковый кубик! Он мелькнул в воздухе в одной из картинок. Спелл развер-

нул маленькую ячейку в целый мир, по размеру такой же, как и тот, где находились искатели. Всё вокруг чуть изменилось: листва, облака, птицы – незаметные детали выдавали изменения пространства. Они оглянулись – мимо пронесся кубик. Тот самый кубик. Он летел в сторону заброшенной башни. Подданные попросту не видели смысла рисковать жизнью, чтобы попасть туда, вот место и стало заброшенным. Минута прошла, и всё вокруг стало прежним.

Ясно было одно: сейчас кубик в башне. За минуту он, еле видной точкой, пролетел около 17 миль в её сторону и растворился в очертаниях башни.

M830, K538 и Амбижити направились к заброшенному месту. Подойдя на расстояние мили, они оказались в тени сада, окружавшего башню со всех сторон. На деревьях спели яркие манящие разноцветные плоды. Их было так много, что порой не видны были листья. Сами стволы деревьев с одинаковыми плодами образовывали шестиугольные рисунки сросшимися корнями. А ветви были настолько густыми, что подойти к башне было невозможно.

Путники бродили меж стволов, протискиваясь, и пытались найти хоть лучик света, проступающего с закрытой стороны. Вдруг перед ними откуда-то появились три близнеца и представились как Оксит, Доф и Эндор.

– Вы попали в цитрусово-минеольно-финиковый сад⁸.

⁸ Если соединить первые слоги имён близнецов и фруктов, получим эндорфин, дофамин и окситоцин.

– Попробуйте наши фрукты...

– *Молчи*, – шепотом.

– *Да пусть, весело же.*

– *Ладно, с какой стороны не кусай – они очень вкусны!*

Пробуйте!

– *Может скажешь им?*

– *Сами разберутся – не наши проблемы.*

– Аккуратнее... если кусать справа, деревья раздвинут ветви и вытолкнут вас к башне, а обратно уже не выпустят.

– Если слева, просто станете счастливее.

– Идите лучше отсюда.

– Да-да, ничего здесь не найдёте.

– Просто ешьте фрукты!

– Не надо вам в башню.

– Пустая трата времени.

K538 аккуратно сорвал висящую перед ним минеолу и, не с первого раза найдя правую сторону, шуршащими ветками был вытолкнут к самому краю сада. Наверное, многие не доходили до башни из-за этого странного сада, но не в этот раз.

Оказавшись по ту сторону непроглядного сада, путники увидели полосатый чёрно-красный жёлоб глубиной в пару ярдов, опоясывающий башню. По нему с бешеной скоростью носился металлический шар, то останавливаясь, то ускоряясь. Время от времени откуда-то издали слышались то восторженные крики, аплодисменты, то глухие удары, выстрелы или вой и плач. «Убьёт или не убьёт?» – над этим вопросом

думали искатели неизвестно чего. Подсчитать? Прыгнуть? Схитрить? А получится ли? Около жёлоба не было даже деревьев.

Амбижити решил не рисковать жизнями подданных и идти один. Шар со скрежетом и шумом метался по кольцу. Каждый раз, когда шар пролетал мимо, принц неосознанно запускал весы. Они выдавали один ответ. Очередной раз, пропустив мчащийся металл, он прыгнул в жёлоб и, карабкаясь, еле успел вылезти наверх. Шар просвистел в ту же секунду. Но он остался жив.

И вот перед ним башня. Восьмиугольная. Из красного кирпича. Пять этажей. Прямоугольные простые окна. Венец сказки детства, закончившегося и оставшегося. Вокруг башни носится бешеный ветер: облетал башню сотню раз, разворачивался вертикально вверх, резко падает, сбивая принца с ног, замораживая конечности, а в ушах после звенел нарастающий шум, бился, метался. Ему казалось, шум навсегда останется в голове. В пронизывающем безумии звуков можно разобрать лишь слова «ждормьетисо», «гмоизэ», «васти-мьозис»⁹. Трижды ветер сбил с ног путника. Не дожидаясь четвёртого, принц бросился к двери. Она, на удивление, не была заперта.

⁹ Одержимость, эгоизм, зависимость

Глава 6

В башне царил полумрак. Смутные очертания предметов проступали через густую темноту. Тонкая плоская лестница от сквозняков, видимо, упала на холодный кафель и давно уже покрылась пылью. В углу потолка еле заметное квадратное окошко источало тусклый свет. Осмотревшись, принц не увидел ни одного шкафа, ни одной полки. Немногочисленные вещи были разбросаны по грязному полу. Около стены стояло нечто, отдаленно похожее на маленькую колесницу, рядом кукольный домик, в котором всё замерло много лет назад: кто-то сидел за крохотным столиком, кто-то вечно спал под носовым платком, кто-то читал самодельную книжку, видимо, не первую сотню раз. На ком-то было надето платьице, сшитое из старого платья хозяйки. Упавший шкафчик на втором этаже домика наводил тоску.

Резиновый мяч, изрисованный кем-то, закатился за гору чего-то мягкого. Из неё торчали ушки и лапки, хвосты, бантики. Пусто из её глубин смотрели стеклянные глаза. До потолка высились стопки книжек с помятыми страницами, где каждая картинка до боли знакома. Всё это было когда-то нужно. Кто-то это любил. Кто-то жил здесь, в этой комнате. Вещи дышали, они пропитались вниманием, замаслились им. Сырость расплзалась по стенам. Запах плесени пропи-

тал всю комнату.

Принц аккуратно поднял чуть сырую лестницу. Глухую тишину нарушил скрежет, странное оцепенение было прервано. Боясь упасть, он забрался на второй этаж.

Было пусто. На запыленном полу, стенах – прямоугольные участки чуть более яркие, чем остальные доски. На них царапины – будто что-то тащили. Здесь что-то было раньше. Стояли шкафы, висели картины. Где же теперь эти вещи? Кто и зачем их увёз отсюда? Никакой памяти не осталось. Пусто. Но жили же здесь. Время в пустоту. Голые стены. Голый пол. Давление пустоты вытолкнуло принца на третий этаж.

Шкафы. Наконец-то. Всю комнату заполняли ящики, полки, стеллажи, коробки, мешки. Принц хотел заглянуть в одну продолговатую коробку. Она оказалась закрытой. Он потряс её – в ней точно что-то было. На боковой стороне незаметная скважина – страж неосознанного порядка и смысла. На всех коробках скважины. Все коробки полны. Ни одного ключа. Шкафы тоже закрыты, через прозрачные стенки видны книги, стоящие корешками внутрь.

Принц попробовал развязать мешок, но веревкой порезал руки, ошмётки сукна остались на пальцах. Под потолком висит крохотный фонарь – от него и долетал свет до первого этажа. «Здесь тоже ничего не найду», – подумал Амбижити и полез на четвёртый этаж.

Не успел он подняться, как на его голову уселся голубь. Голуби были повсюду. Кто-то прибил для них полочки. Они,

шелестя крыльями, перелетали с одной на другую. Было достаточно шумно – «странно, что не услышал их раньше», – мелькнуло в голове.

У каждого в клюве было письмо. Пожелтевшие, кремовые, будто замоченные в чае, конверты мелькали в глазах. Одно белое. Может кубик в нем? Принц попытался забрать у голубя конверт. Птица долго сопротивлялась, но письмо отдала. Амбижити почувствовал, что внутри было что-то теплое, или само письмо было теплым. Замерзшие от шумного ветра пальцы грелись о мягкую бумагу. Но внутри не оказалось кубика. Был металлический глаз. Такой же прекрасный, как весы принца. Отливающий на свету апатит заменял радужку. Шерловый зрачок. Уголок глаза будто улыбался. Что-то знакомое напомнил принцу этот кулон.

Амбижити отобрал ещё пару конвертов у сопротивляющихся голубей, но внутри были лишь выцветшие от времени письма. На этом этаже было окошко. Но птицы отчего-то сидели и ждали чего-то. Видимо, адресата. Но, судя по всему, письма не читались умышленно, или получатель и вовсе не знал о голубиной комнате.

Три голубя без конвертов вдруг сорвались с места и вылетели в окно. Почему же писем никто не читает? Кому они предназначены? Почему голуби не летят домой? Или, те кто не дождался, уже улетели? На полу валялся открытый конверт. Принц поднял его. Внутри было пусто. А нет – на дне притаилась иголка. На конверте Амбижити заметил несколь-

ко капель крови. Около, на полу лежала маленькая подушечка. Видимо в ней сначала была иголка. Пряталась. Остался один этаж.

Глава 7

Пятый был почти не освещён. Шорох. Где-то около стены принц заметил движение. Черепаха. Большая морская. «Наверное, мудрая», – сама собой возникла мысль.

– Я умираю здесь, в темноте... забери меня отсюда, прошу.

– Как же ты попала в башню?

– Когда-то, 4 года назад, я ошиблась, выбрав мнимую ячейку, и оказалась здесь без возможности выйти. Очень неудобные для черепах лестницы в этой башне, а если выпрыгну из окна, точно разобьюсь. Вот и сижу тут, пленницей прошлого, воспоминаний, иллюзий, никак не могу освободиться. Прошу, забери меня к себе, спаси меня...

Он, чувствуя, что должен помочь, потянулся к ней, чтобы взять в руки. Но только принц кончиками пальцев прикоснулся к гладкому панцирю, как она растворилась в воздухе.

В комнате в мгновение стало светло и заметно потеплело. На стенах при свете стали заметны надписи. Мелко-мелко они были исписаны от пола до потолка. Но почему-то водой... «наверное, ей больше нечем было». На солнце «письма» постепенно начали исчезать – вода испарялась, навсегда унося мысли той черепахи в никуда. Но принц всё же успел прочитать их. Как бы то ни было, но он стал единственным,

кто смог узнать природу перипетий черепаховой жизни.

Вода окончательно испарилась, и принц заметил несколько надписей, сделанных углём:

«Здесь ты ничего не найдёшь»

«Я буду в море»

«Можно изменить всё, что захочешь»

«Башня не будет пустой» ...

Кубика нигде не было видно. Всё, что смог заметить Амбижити – половинка высохшего листочка. Невольно он спрята листочек в карман – хоть какая-то память о башне, единственной зацепке. Видимо, ячейка, где они видели кубик, была мнимой. Видимо. Принц со странным чувством спускался вниз уже без надежды что-то здесь найти. Он не пытался понять больше смысл этих этажей. Будто читал книгу с конца. Сырость и темнота стали за это время привычными.

Свежий воздух, яркий солнечный свет встретили принца на улице. Он обернулся – заколоченные окна башни вдруг распахнулись, шумный ветер, проносясь меж окошек, унёс пыль и паутину. Солнце прогрело стены, избавило их от плесени.

На яркой изумрудной траве около подножия восьмиугольной башни пробился ручей. Ручей логики. Принц хотел набрать воды, но с собой не было ни одного сосуда. Он вспомнил про листочек – в нем поместилась одна маленькая капля. «Может логики много и не надо?», – огорченно подумал принц, жалея, что упускает редкую возможность.

Глава 8

Очередной теплый вечер принц проводил в цветущем саду на окраине Скалии. В конце апреля сад становился белым: черные ветки, не так давно разбивавшие небо на тысячи осколков, украшали бесконечные белые цветы словно самые прозрачные драгоценные камни самые красивые тонкие руки. Деревья источали настолько приятный запах, что принцу казалось, будто это самое лучшее место из тех, где он мог бы сейчас находиться. Аромат уносил все переживания, притуплял эмоции, оставляя лишь момент, лишь легкость и спокойствие. Вдоль черной каменной дороги неровными рядами выстроились белоснежные, розовые, светло-зелёные кусты, от которых невозможно оторвать глаз.

А небо... небо не было бесконечно голубым. Оно было пасмурным. Но со временем серые облака чуть отступили – показалось то самое сказочное небо, которое казалось не настоящим, а приклеенным просто на тучи кем-то равнодушным. Но оно было самым настоящим. По небесной глади плыли розоватые облака, белые-белые сверху. На горизонте виднелась среди облаков башня, так недавно приносящая какие-то надежды. Заходящее солнце, отпуская последние лучи, добавило золотых красок.

Принц не мог охватить весь подъем, всё счастье этих мо-

ментов, и, желая хоть что-то взять для себя из чудесного, такого обыкновенного, сада, подошёл ближе к одному из деревьев: молочная шапка превратилась в мириады маленьких цветочков. Вдруг крошечная изумрудная почка начала быстро распускаться, по одному расправляя тонкие лепестки. За мгновение по жилкам разлился сок, и они набухли.

Даже, живя в волшебной стране, принц удивился. Желание ещё хотя бы раз увидеть, как распускается цветок, одолевало его. Он жадно всматривался в цветущие ветки, пытаясь заметить движение. Но цветы и не собирались больше распускаться.

Тем временем солнце опускалось всё ниже и ниже, а к светло-голубой краске неба добавилась темно-синяя капля. Отчаявшись увидеть чудо ещё раз, поникший принц заметил, как потемнело на улице. Легкость куда-то пропала.

Откуда-то появился странный человек. Высокий, тёмный, во фраке и цилиндре, с цветущей веточкой на груди. Его звали мистером Ангстом (насчет Ангста известно одно: в стране ходил слух, что стоит сначала лучше с ним познакомиться, хотя бы пару дней, и только потом узнавать сущность его имени). Человек был достаточно дружелюбен. Не успев познакомиться, он начал оживлённо что-то спрашивать у принца.

- Вы видели когда-нибудь фиолетовых кошек ¹⁰?
- Вы знаете, что кони живут в морях?

¹⁰ Льюис Кэрролл, «Приключения Алисы в Стране чудес»

- Вы бывали в местах, где поют крокодилы?
- Вы мечтали о сорокакилограммовой книге?
- Вы хотите увидеть, как былые розы красят в красный цвет?
- Вы знаете, что люди могли бы летать?
- Вы бывали в местах, где звери говорят словно люди?
- Вы видели цветы, которые могли бы хлопать глазами?
- Вы знаете, на что не способны?
- Вы хотели бы увидеть золотой океан?
- Вы хотели бы поиграть в гольф сегодня за чаем?
- Вы бывали в Стране между светом и тьмой¹¹?
- Вы слышали о господине Лильонквасте?

Беседа с навязчивым Ангстом наконец утомила Амбижити. Это позволило «проснуться»: только сейчас он заметил, что идёт по длинной прохладной пещере. Принц не рисковал перебивать мистера и продолжал слушать его только одним ухом, считая повороты на многочисленных развилках, отчасти не надеясь выйти из лабиринта самостоятельно. Наконец вопросов накопилось столько, что что-то в принце переполнилось, и он спросил, куда же Ангст ведёт его без его же позволения.

- Абсолютно не имеет значения в Стране между светом и тьмой. Ни малейшего значения, – невозмутимо ответил мистер и продолжил длинную вереницу чудных вопросов.
- Но всё же?

¹¹ Астрид Линдгрэн, «Страна между светом и тьмой»

– Туда, куда ты и хотел.

Глава 9

Прогулка по пещере продолжилась, в воздухе витали бессмысленные вопросы, казавшиеся уже чем-то осязаемым. И не понятно уже было, вполне ли пещера горизонтальна и действуют ли в ней хоть какие-то законы. Когда тревога от происходящего достигла очередного максимума, тоннель вдруг закончился.

Принц обратил внимание на небо. Сумерки. Когда они с мистером Ангстом входили в пещеру, тоже были сумерки. Это очень необычное время – всегда проходит очень быстро, переход от света до тьмы уж слишком незаметен, неуловим. А здесь... сумерки будто вечны. Как будто это неслучайно. Как будто они и в настоящем мире что-то значат. Как будто люди не придают значения чему-то важному. Как будто это место – некий символ, объясняющий что-то забытое, мнимо ненужное.

– Мы в Стране между Светом и Тьмой. За вами послал господин Лильонкваст.

Ни кто такой Лильонкваст, ни зачем ему понадобился принц, Амбижити известно не было. Небо на горизонте уже какую по счёту лишнюю минуту освещали последние лучи. Блеск солнца пробежал по цветочному лугу: трава казалась золотой, а цветы будто живые – они обернулись за убега-

ющим светом, у одного принц заметил крошечные черные глазки. Они заглянули в глаза принца и быстро закрылись.

– Это ведь цветы? Отчего они моргают?

– Не имеет ни малейшего значения, ни малейшего значения в Стране между светом и тьмой, – ещё раз ответил невозмутимый Ангст Из далека тонким гулом донеслись чудесные звуки.

– Слышишь? Так поют крокодилы, когда приходят в родные моря, возвращаясь с балов во дворец. Их очень утомляют эти торжества: пары кружатся так быстро, что кожа высыхает.

– Это имеет значение?

– Конечно же нет – они ведь раз за разом приходят на бал, раз за разом поют прекрасные песни. Могли же вечно жить в океане. Только скучно там – только кони морскими табунами тревожат спокойные воды, в пузырях потом живут фиолетовые кошки.

– А это имеет значение?

– Ничто не имеет значения в Стране между светом и тьмой. Здесь живут сердцем. Не ищут значения. Вы когда-нибудь водили троллейбус?

– Никогда, я ведь не умею ...

– Это не имеет значения. Хотите? Мы можем проехать по мосту Афлатуса¹², потом по водным гладям, серебряным от звёзд.

¹² От англ. afflatus «откровение, вдохновение, озарение»

Как обычно, принц невольно запустил весы – они не работали. Паника, пустота, отчаяние поглотили Амбижити. Он в ярости то ли от неожиданности, то ли от необычности ощущений, то ли от того, что попал в фантасмагорическое место не по своей воле, закричал на спокойного мистера Ангста, требуя вернуть его в Скалию.

– Это не имеет значения в Стране между светом и тьмой, – чуть рассержено ответил человек в цилиндре, – пойми, – добавил он уже мягким голосом. Небо всё еще золотили последние лучи.

– Но, если всё же хочешь уйти... есть один способ, – простым, изменившимся голосом сообщил Ангст. В его глазах зажегся странный огонёк.

Глава 10

В Стране между светом и тьмой периодически отмечали странный праздник Реклес¹³. Поскольку день никогда не сменяла ночь, а Спелл распоряжался временем далеко за пределами Страны, часы и дни не бежали, не торопились, на них никто не опирался – они не имели значения.

Давно изгнали последние Стрелки, которые всё норовили давать свои указания: когда кому что делать. Иммигрировали они, кстати, в Скалию. Стоит отметить, что жизнь там стала более чем точной и размеренной... она стала невыносимо скучной. Спасали только весы, которые так или иначе Стрелок не слушали.

В безвременном мире, где жили сердцем, рано или поздно – не имеет значения – жители всё же как-то находили время устроить Реклес. В самой живописной из известных стран находили самый густой лес и самую звонкую реку. На её берегах собирались счастливые люди и делали всё возможное, чтобы день Реклеса стал самым насыщенным: они устраивали весёлые танцы под старую, забытую музыку волюнок и канунов. Затем пили свои лучшие чаи – каждый приносил свой любимый, который сам собирал в лесах и лугах, сушил,

¹³ От англ. reckless «беспечный, беззаботный, безрассудный»

в который вкладывал всю свою душу, и делился им со всеми. Весь лес пропитывался ароматами, каждый из которых был для кого-то самым любимым.

Потом кружились в вальсе. Конечно, леса – не самое удобное место, но какое это имело значение в Стране между светом и тьмой во время Реклеса. Деревья, казалось, кружились вместе с парами, и все были абсолютно счастливы танцевать и вдыхать свежие запахи леса. Никто не смотрел на часы и не боялся опоздать, никто не спешил и не переживал, никто не планировал вставать завтра утром, ведь в Стране и так вечные сумерки. Никто не измерял счастье в минутах. И никого никто не заставлял вальсировать до конца – «никто никому ничего не должен» работало как никогда хорошо в Стране между светом и тьмой.

Король Луны и королева Солнца, как ни странно, возглавляли Страну. Задумайтесь над этим ненадолго. Когда правители плакали или смеялись, любили или разочаровывались, на их платьях появлялись драгоценные камни. У короля они были всех оттенков синего, у королевы – от шартреза до золотого. Чтобы правители могли ходить, а не лишь сидеть под тяжестью камней, подданные срезали их с платьев и бросали в реку.

Реклес обновлял баланс сумерек в этом маленьком мире. Если вдруг за время, прошедшее с последнего Реклеса, камней королевы было намного больше, чем камней короля, приходилось добывать недостающие камни и уравнове-

шивать ими посветлевшую реку. Иначе сумерки могли исчезнуть навсегда вместе со Страной между светом и тьмой.

Естественно, принц ничего не знал о Реклесе. Не знал о драгоценных камнях и необычных правителях.

– Есть один способ: тебе нужно добыть 200 иолитов. Есть здесь недалеко одна интересная гора...

Огонёк овладел мистером Ангстом.

Глава 11

– Та гора – владения прекрасной рижской принцессы Жаугро¹⁴. Там ты сможешь найти иолиты...

Дальнейшие расспросы принца мистер Ангст пропускал мимо ушей, если они вообще у него были. Амбижити даже не удалось узнать, что такое «иолиты» и где их искать. ... принц вошёл в тускло освещённую пещеру: в ней, на удивление, не пахло сыростью – не то фиалками, не то орхидеями.

Пройдя чуть-чуть, он увидел, как по стенам проплывают чёрно-белые лица: какие-то были серьёзными, другие улыбались, где-то люди стояли рядом, положив руки на плечи, одна девочка спала – они все были немного похожи. Станный шорох перебивал тишину. Через какое-то время принц понял, что это не просто шум – незнакомый, но родной приятный голос повторял строчки:

И в Клёц, прекрасном озере подземном,
Под толщею не то забот, не то заботы,
Нырнув как сможешь глубоко в него,
Среди жемчужин рыжих огоньков из глаз и камушков
морских,
Среди прощаний у окна

¹⁴ Прототипом принцессы Жаугро стала моя прабабушка, коронным блюдом которой был суп с клёцками

Отыщешь горсть лишь слёз прекрасных
Прекрасной Жаугро на дне.

Амбижити не предал значения повторяющемуся шепоту: «Мало ли, что ещё можно найти в горе принцессы Жаугро». Он попытался спросить у проплывающих лиц про иолиты, но они просто плыли, спасаясь от забвения... наивно. Принц заглядывал за громадные камни, но ничего не находил. Голос всё повторял бесполезные строчки.

Уже час Амбижити двигался вперёд по единственной дороге – откуда-то появились две кошки: серая и чёрная. Одна отозвалась на «Кис».

– Кисика, не подскажешь, где найти иолиты?

Маленькая кошечка, вильнув недовольно хвостом, куда-то побежала. Принц последовал за ней и, к своему удивлению, нашёл всё же что-то в пещере, казавшейся пустой. Озеро. Черные воды не освещало солнце, на спокойных волнах, прямо у поверхности, плыли густые облака. Что-то напоминали они... только что? Принц вспомнил про строчки: что-то точно в них было про озеро.

Шёпот куда-то исчез. Амбижити отбежал назад, но стало тихо – ни шороха. И лица исчезли. И цветами больше не пахло. Только озеро и облака. Пустота. Тишина. Они давили. Опять – только недавно он чувствовал то же. «Что же шептал тот голос об озере?» в голове отрывками всплывали отдельные слова, но вместе никак не собирались.

Он стоял совершенно один в этом странном холодном ме-

сте. И не было надежды на помощь. Но она вопреки появилась – ведь гора – в Стране между светом и тьмой... так, конечно, никто не смог бы помочь принцу – это стоит понять. Маленькая кошечка вновь появилась из ниоткуда и нырнула в черную бездну. Возможно, это был её самый отчаянный поступок, ведь она всё-таки кошка, а кошки даже в Стране между светом и тьмой боятся воды. В зубках Кисика принесла синий камушек.

Принц всё понял. Как и требовалось, нырнув на самое дно, сияющее от разноцветных камней, он выбрал две сотни синих камушков. Кожа покрылась мурашками. Мимо проплыла белая меховая рыба. Быстро показалась и сразу исчезла. Мысль о необычной рыбе только долго не отпускала. На берегу около кошек лежали, все в каплях воды, иолиты и светились будто изнури. Слёзы Жаугро. Прекрасной принцессы Жаугро. Рижская принцесса плакала иолитами... совсем как правители Страны между светом и тьмой.

«Она, наверное была такой же прекрасной, как они», – желание увидеть Жаугро охватило принца, но нигде не смог он найти её лица, никто потом за всю его жизнь не сказал ему, что хотя бы слышал о рижской принцессе. Но он не забыл – нет.

Глава 12

Добытые в пещерах Жаугро иолиты принц принёс Ангсту. Его лицо с одной стороны выражало неоправданную печаль, с другой – чуть ли не восторг. Амбижити не мог стоять спокойно – внутри бурлила ненависть, обида. Другим могло бы показаться, что они беспричинны, но это ошибочно. Или нет?

– Ты уверен всё ещё, что хочешь покинуть Страну между светом и тьмой, Страну, где ничто не имеет значения?

Ответом стал надменный осуждающий взгляд и рычащий вздох. Амбижити был более чем уверен.

– Камни, которые ты мне принёс, выбрось в реку к Катеринам, Лизам, где так недавно торжествовал Реклес.

Небо всё ещё освещали последние лучи. Река изнутри светилась: камни короля и королевы, которых теперь в реке было поровну были стражами гармонии в, возможно, самой спокойной и счастливой стране.

Резким движением принц не той страны бросил синие камни в светлую реку – один миг и она почернела. И небо почернело тоже. Последние лучи: они пропали. Сам собой появился вопрос: «а правильно ли я сделал?» – и весы вновь заработали. Откуда-то появились люди и звери на поляне, которая так недавно была золотой. «Зачем?» – люди искали

смысл, они кричали, чуть ли не тряслись от отчаяния. Люди в Стране между светом и тьмой захотели найти значение... значение в Стране между светом и тьмой. Страна рушилась. Она больше не была чудесной. Лишь ночь. Чуть в тени стоял довольный мистер Ангст.

– Почему вы не сказали, что эти камни разрушат Страну? Ведь я не знал смысла того, что делал..., вы ведь говорили, что ничто не имеет значения!

– Так ты же сам хотел выбраться отсюда? Нет Страны – нет проблем, ты свободен... Принц начал понимать, что Ангст хотел лишь его спасти. Однако вскоре его иллюзия рассеялась, когда он узнал сущность имени мистера¹⁵.

Весы работали теперь, принц в ту же секунду понял, что нужно любой ценой спасти Страну. Уже не первый раз за этот день он нырял и искал камни. Надежды восстановить равновесие было немного. Но весы не позволяли просто уйти, бросив мир тёмным с лишними иолитами в черных водах. Река была слишком глубокой, слишком темной. Синий свет заглушал тусклое свечение камней королевы. Темно. Воздуха не хватает. И холодно. Невысокая цена. Всего 200 камней.

И солнце постепенно возвращалось. Вновь появились лучи. Только уже скорее первые. Рассвет. Не менее чудесное время. Мир изменился. Время заката было другим – это было заметно любому. Но принц спас Страну между светом и

¹⁵ От англ. angst «страх»

тьмой. Изменил её... возможно, сделал лучше, но спас.

Естественно, событие не могло остаться без внимания. В тот же день во дворец к королям был приглашен Амбижити. Они, на удивление, благодарили принца. Хоть он и не понял, почему. Однако это имело значение. Королева на прощание подарила принцу шкатулку и показала дорогу в Скалию, о которой умолчал Ангст.

Придя в родные леса, где весы вновь работали, Амбижити открыл шкатулку: в ней лежал маленький ножик. Он был украшен знакомыми узорами... как на чашах весов. Удивление чуть затуманило разум. Стебель хрустальных весов сверкнул. «Противоядие». Снова появился выбор: резать или нет.

На землю упали чаши и, быстро почернев, рассыпались в труху. Из среза стебля появился красноватый крохотный лист. И ещё пара. И вот на месте весов самое настоящее сердце. Оно билось. Оно было тёплым. Оно было живым. В одной руке Амбижити держал нож, в другой, как обычно, последний кубик с решением. Отойдя от шока, принц посмотрел на него – он был персиковым. Он был последним. Весов больше нет. Стало ещё теплее от вида найденного кубика.

Небо... небо было солнечным. На горизонте виднелась башня. Пять этажей для Скалии – видимо достаточно много. В голову, как обычно, пришла мысль, и принц спросил у себя: «Не отправиться ли в морское путешествие?», – но там, куда посмотрел принц, ища ответ, весов не было. Там

билося сердце. Он принял своё первое решение легко. Легче, чем когда-либо. И он был прав, ведь решения, принятые сердцем, всегда прекрасны. Какими бы они ни были. Мириады кубиков теперь не звали, не тянули. Было легко. И тепло. Он нашёл счастье. И, очередной раз с улыбкой посмотрев на персиковый кубик, поблагодарил Ангста.

Эпилог

Когда мисс Суспенз даровала принцу хрустальные весы, они у совсем ещё младенца спросили свой самый первый вопрос: «согласен ли он с тем, что весы заменят ему сердце». Конечно, Суспенз не хотела, чтобы чудесный подарок пропал, не успев проработать и часа. Она, пока никто не видел принца за её спиной, своей тонкой рукой надавила на нужный кубик. А второй, персиковый, с решением жить сердцем, спрятала в широкие бездонные карманы подола. Это был её секрет.

Сначала она хранила кубик у себя, но, испугавшись, что кто-то заметит кубик у неё, решила перепрятать. Когда в цветной кладовой было уже достаточно кубиков, она положила кубик на одну из длинных полок. И он затерялся бы, не будь М830 таким внимательным. Как кубик пропал из кладовой, не известно даже всемогущей Эрин. Ведь это сказка, а в сказке время не должно быть одномерным, связи не должны быть логичными. На то она и сказка.